
18+
П. Дж. Нельсон
СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ПЕРЕПЛЕТ

Очень книжный детектив (АСТ)

П. Дж. Нельсон

Смертельный переплет

«Издательство АСТ»
2024

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Нельсон П.

Смертельный переплет / П. Нельсон — «Издательство АСТ», 2024 — (Очень книжный детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-185161-3

Получив в наследство от покойной тети старинный викторианский особняк и хаотичную, но очаровательную книжную лавку «Старый можжевельник», Мэделин Бримли надеялась обрести долгожданный покой. Однако укутанный ароматами старых страниц и цветущей вистерии приют встречает ее совсем не ласково. Сначала в саду вспыхивает вековая беседка, а затем тишину ночи разрезает телефонный звонок с требованием убираться под угрозой жестокой расправы. Полиция списывает все на шалости подростков, но вскоре ночной кошмар повторяется — пламя охватывает саму лавку. Когда дым рассеивается, на обгоревшем полу Мэделин находит неподвижное, бездыханное тело своей юной помощницы Тэнди. Теперь «Старый можжевельник» превращается из уютного убежища в смертельную ловушку, и Мэделин предстоит выяснить, чьи опасные тайны скрывает это наследство, пока пеплом не стала она сама.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-185161-3

© Нельсон П., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

1 6
2 9
3 13
4 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

П. Дж. Нельсон
Смертельный переплет

P. J. Nelson
BOOKED FOR MURDER
Copyright © 2024 by P. J. Nelson.
© В. Гомарова, перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2027
Оформление обложки Алексея Жижицы

* * *

Для ЛНН, как всегда

1

Даже октябрь может быть летним месяцем в Южной Джорджии. На улице около тридцати градусов, листва все еще зеленая, а влажность настолько высокая, что в ней, кажется, могла бы плавать мелкая рыбешка. И мошки повсюду. Уже и забыла о них.

Я оставила вещи в разваленном «Фиате», которого иногда называла «Игорем»[1] – после нескольких особенно неудачных аварий его так перекосило, что имя подходило как нельзя лучше.

Ступеньки крыльца предупреждающе скрипели, но я не обратила внимания на знаки. В противном случае я бы никогда не последовала за тетей Роуз в абсурдный мир театра.

Теперь же я слишком стара для наивных ролей и слишком молода для характерных. После очередного прослушивания волей-неволей задумаешься о работе в общепите. Наследство в виде книжного магазина стало для меня лучиком надежды.

Веранда совсем не изменилась. Сухие листья прошлых лет, пыль тысячи летних ночей, пять кресел-качалок, два из которых – с порванными плетеными сиденьями.

Я не могла объяснить, почему моя рука замерла, схватившись за старомодный латунный ключ в замке входной двери, но на мгновение мне показалось, будто я слышу, как Роуз мягко напевает себе под нос. Иногда, по-видимому, отголоски мелодии живут дольше, чем сама песня.

Я выросла в Энигме, штат Джорджия. Совсем рядом находятся Мистик и Омега. Если не верите, то взгляните на карту. Здесь у нас верят в сверхъестественное. Сначала город выживал за счет скипидара, потом – древесины. Казалось, не было ни одной причины, по которой здесь мог бы быть основан частный гуманитарный колледж, и все же Барнсли процветал посреди этой глуши. Еще менее объяснимой была судьба моей тети Роуз, родившейся в Энигме, выросшей у железнодорожных путей и затем, по неведомой прихоти судьбы, на большую часть жизни оказавшейся под яркими огнями Бродвея. Выйдя на пенсию и вернувшись в Энигму, она открыла книжный магазин «Старый можжевельник».

А когда умерла, лавка досталась мне.

Дорога из Атланты, которая должна была занять три часа, растянулась почти на пять: рефрижераторная фура не поделила дорогу с симпатичным голубым «Вольво». Я приехала совершенно вымотанной. Проезжая по одинокой главной улице, я с удивлением смотрела на множество пустующих зданий. Места, куда я ходила в детстве, теперь были закрыты. Как раз на закате я свернула на гравийную подъездную аллею старого викторианского особняка.

И вот он – замок моего детства, со всеми его предзнаменованиями из прошлого.

Трехэтажный, с резными деревянными украшениями, облупившейся краской, опоясывающей верандой, балконами, фронтонами и узорчатыми рифлеными окнами. Дом уже сам по себе выглядел как персонаж забытых романов Готорна[2]. Бордово-темно-зеленая цветовая гамма пыталась вернуть особняку нечто вроде первоначального облика, но в итоге получился скорее Страшила Рэдли[3], нежели южная красавица.

Здесь я бывала гораздо чаще, чем в родительском доме. Тетя Роуз была моим идолом. Она сбежала из дома, когда ей было семнадцать, и в первую же неделю в Нью-Йорке полу-

---

[1] Игорь – в кинематографе – ассистент Франкенштейна, уродливый горбун, выполняющий грязную работу. *(Здесь и далее, если не указано особо, – примечания переводчика)*.

[2] Натаниэль Готорн (Nathaniel Hawthorne, 1804–1864) – американский писатель, один из первых и наиболее признанных мастеров американской литературы…

[3] Страшила Рэдли – персонаж романа Харпер Ли «Убить пересмешника».

чила работу дублерши в бродвейском мюзикле Anyone Can Whistle[4]. Премьера состоялась четвертого апреля 1964 года, а уже после девяти представлений спектакль закрылся. По мнению тогдашних критиков, это была одна из наименее удачных работ Сондхайма. Но Роуз продолжала получать предложения – в основном в хоре или в качестве дублерши. Ее рассказы о театральной жизни навсегда оставили отпечаток в моих воспоминаниях.

До сих пор они время от времени всплывали у меня в голове. Я открыла дверь, и вот оно: пылинки в воздухе, затхлость, запах старых книг. Мой рай. В этом смешении запахов я нашла свое детство и все те долгие часы, проведенные за чтением в лавке, обсуждением планов и мечтаний с тетей Роуз.

Мне нравился этот обветшалый хаос. Он напомнил мне слова Колина Овна: «Становилось ясно, что властвуют тут книги, а не человек»[5], что и являлось философией моей тети. Книги, как она всегда говорила, сами подсказывали ей, где им хочется стоять. Поэтому поиск чего-либо в этом месте был скорее приключением, чем целенаправленным движением к цели.

В последнем золотом луче заходящего солнца, когда пылинки плясали в воздухе, словно крошечные балерины вселенной, меня накрыло острое чувство *дома*.

А потом наступила тишина. Я замерла в дверях, решив, что оглохла. Дом одиноко стоял в конце квартала, на окраине города, с почти акром земли под сад на заднем дворе.

И вдруг воздух прорезала песня коричневого пересмешника. Щебет раздавался так громко, что мне на мгновение показалось, будто бы птица залетела в дом. Дурной знак.

Все окна были открыты, по крайней мере на первом этаже. На запах плесени это нисколько не повлияло, зато позволило песне птицы заполнить дом. Такие фанфары нравились мне куда больше, чем противный скрип половиц и затхлый воздух.

Прихожую давно не подметали, а разглядеть другие комнаты без света было сложно. Я нажала выключатель у двери, но ничего не произошло. Так что первой задачей на завтра стало разобраться с электричеством.

Я вспомнила, что Роуз всегда хранила свечи в столе, который служил ей еще и кассой. Он стоял слева в гостиной, которая и без того была особенно темной. К счастью, комнату я знала достаточно хорошо, чтобы добраться до стола и найти несколько длинных свечей и большую коробку кухонных спичек. Они уже стояли в оловянных подсвечниках. Я зажгла одну и поставила на стол, взяв вторую с собой. Солнечный свет быстро угасал, а свеча в руке придавала гостиной особый меланхоличный блеск, превращая ее скорее в воспоминание, чем в реальность. Казалось, вот-вот я увижу Роуз, сидящую за своим столом.

И шестнадцатилетнюю себя, развалившуюся на антикварном французском диване. И мы бы спорили с ней об университете штата Флориды.

– Это лучшая театральная школа на юге! – говорила я ей.

Роуз качала головой:

– Это все равно что сказать: «лучшие бейглы – в Вайоминге». Ты должна учиться в Нью-Йорке.

Тем не менее, когда я получила стипендию в университете Флориды, Роуз оплатила все оставшиеся расходы на мое обучение. Гордилась бы она моей так называемой актерской карьерой в Атланте?

Пересмешник снова защебетал, и вдруг мне показалось, что это не песня, а панический вопль. Меня пробрал страх, как в фильме ужасов. Классический темный пустой дом с привидениями без электричества. Со свечой в качестве единственного источника света я пошла за кое-какими вещами из «Игоря». Решила взять только чемодан, остальное может полежать и в

[4] Anyone Can Whistle – бродвейский мюзикл с музыкой и стихами Стивена Сондхайма, считающийся культовым, несмотря на провал при первоначальной постановке.

[5] Агата Кристи, «Часы» (пер. А. Глебовской, Т. Чернышевой).

машине. С собой у меня было немного: большую часть хлама я оставила на складе в Атланте. Не знала, что еще с ним делать.

Снова зайдя внутрь, я хотела позвонить Расти Томпсону, юристу Роуз, который сообщил мне о странном наследстве, просто чтобы дать знать, что я приехала, но решила оставить эту затею на утро.

Мучаясь с сумками и свечой, я сильно пыхтела, поднимаясь на второй этаж, где раньше жила Роуз. Там была ее спальня, которую мне не хотелось занимать. Хотя бы пока. Так что я остановилась в «зеленой комнате», где всегда раньше спала, когда оставалась на ночевку.

Я бросила первую сумку у дверного проема, а через несколько шагов и вторую.

Комната, даже при свете свечи, была уютной. Стены когда-то давно расписали цветами шиповника и бледно-голубой вистерии. Антикварная дубовая кровать «Линкольн», лампы в стиле модерн, двухсотлетние персидские ковры – все это создавало невероятно комфортную атмосферу, и я снова почувствовала себя дома.

Я толкнула чемодан в сторону шкафа и поймала свое отражение в зеркале туалетного столика рядом с ним. Волосы были убраны и уложены так, чтобы скрыть большую часть преждевременной седины. Ирландский свитер, так подходящий для атлантской осени, оказался слишком теплым для влажной Энигмы. И зачем я вообще надела джинсы с порванными коленями? Мама наверняка бы упрекнула меня в том, что образ мне не по возрасту.

Я стряхнула с себя ее призрак и, со свечой в руке, снова спустилась вниз.

Рассчитывать на что-нибудь съестное на кухне было глупо, но я все равно направилась туда: надежда, как известно, умирает последней.

Кухня находилась в задней части дома и была совсем небольшой. Роуз позаботилась, чтобы ее обставили самой лучшей техникой – двухтопливной плитой «Вольф», которая, должно быть, стоила целое состояние, и холодильником «Сабзиро», почти столь же дорогим. Кухонный стол когда-то принадлежал Фланнери О'Коннор[6]. Где-то была чугунная сковорода, которую Роуз украла с бродвейской сцены мюзикла «Фантастикс». А в шкафу стоял фарфор, подаренный ей Гвен Вердон[7], когда Роуз пела в хоре мюзикла «Чикаго». Откуда у нее взялись деньги и как она сблизилась с такими знаменитыми людьми, осталось тайной, которую моя тетя унесла с собой в могилу.

К сожалению, большинство продуктов, оставшихся в холодильнике и кладовой, отправилось туда же. Синий куриный бульон, плесневелый хлеб и сыр пришлось выбросить следующим утром. Одинокая банка фасоли и почти пустой пакет риса должны были сойти мне за ужин.

Но, прежде чем я успела найти кастрюли для этой жалкой трапезы, кухню внезапно наполнил запах горящего можжевельника – уникальное, горько-сладкое сочетание свежей хвои и землистых бальзамических нот. Роуз всегда говорила мне, что можжевельник – лучший защитник, поэтому она посадила его повсюду вокруг дома и в саду. Она рассказывала, что, когда Мария и Иосиф пытались скрыть младенца Иисуса от Ирода, их спрятало можжевеловое дерево.

Стоя в темной комнате, я пыталась понять, откуда идет запах, когда мерцающий красный свет осветил окна. Подойдя ближе, я увидела пламя.

Беседка в саду на заднем дворе горела.

---

[6] Фланнери О'Коннор – автор новелл и коротких историй с Юга США.

[7] Гвен Вердон – американская актриса и танцовщица, одна из самых ярких звезд «золотой эры» Бродвея.

2

Бросив рис, я выбежала из кухни. В двадцати футах[8] от меня из старой беседки, которая украшала сад более ста лет, вились языки огня. Сперва я хотела вернуться за водой, но потом вспомнила про садовый шланг, который лежал у задней двери кухни. В сгущавшихся сумерках разглядеть его было нелегко, но отыскав, я открыла воду на полную и потащила шланг через лужайку к огню.

Пользы от него было немногим больше, чем если бы я просто плевалась в пожар, но все-таки это казалось разумной временной мерой. Нужно было залить водой растения вокруг беседки. Особенно горящий можжевельник.

Не будь я собой, наверняка бы уже вытащила мобильник из кармана и набрала «911», но его у меня просто не было. Так что, когда огонь чуть поутих, я ринулась обратно в дом, к письменному столу в гостиной, где стоял настоящий дисковый телефон, и набрала номер экстренной службы.

Пожарная машина приехала через семь минут – одно из преимуществ маленького городка. С огнем быстро справились, а команда из трех пожарных была со мной чрезвычайно любезна – в истинно южно-джентльменской манере.

– Капитан Джордон, мэм. Думаю, он того… угомонился, если вдруг снова не разойдется.

Предположив, что этим он хотел сказать, что пожар потушен, я поблагодарила его кивком.

Черные волосы, острая челюсть, ростом далеко за шесть футов. Так еще и пожарная каска добавляла внушительности. Лицо казалось мне незнакомым, а это почти наверняка означало, что он не из Энигмы.

– Боюсь представить, чем бы все закончилось, не окажись вы рядом, – продолжил он. – И простите за вопрос, но что вы здесь делаете? Хозяйка этого места умерла пару недель назад.

Так все и было. Я протянула ему руку.

– Мэделин Бримли, племянница Роуз. Она оставила мне… книжную лавку.

– Оу, – сказал он, нежно пожав мою руку. – Это все объясняет. Наверное. А вы не знаете, с чего начался пожар?

– Я *только* приехала. Минут пятнадцать назад или около того. Занесла сумки в дом и пошла на кухню посмотреть, нет ли чего поесть, и тут – пожар.

– Понятно. – Он отпустил мою руку. – Так вот. Вашу террасу, или что бы то ни было, облили бензином. Причем очень щедро. И если ваши слова верны, то, судя по тому, как быстро все разгорелось, кто-то поджег ее как раз в момент вашего приезда. Вы случайно никого не видели?

– Я никого и не выглядывала… Подождите, вы хотите сказать, что кто-то облил беседку бензином, а потом дождался меня и поджег ее?

Он кивнул, глядя мне прямо в глаза.

– Один из вариантов.

Разговор прервала пауза, которая тянулась до момента, пока я наконец не прочитала его мысли.

– Постойте, – покачав головой, сказала я. – Вы что, думаете, это я? Я совершила поджог? Но ведь я сама вызвала пожарных!

– Ну… в любом случае мне придется доложить об этом в полицию. Поджог как-никак.

– Вы думаете, я приехала из Атланты, оставила чемоданы в комнате наверху, а потом *подожгла* собственное наследство?

---

[8] 1 фут = 0,304 метра.

Его дружелюбие слегка ослабло.

– Мэм, я вижу вас впервые. Я не знаю, кому принадлежит этот дом. Не знаю ничего о происходящем.

– Я выросла здесь. Вы бы это знали, будь вы из Энигмы.

– Олбани, – коротко ответил он.

Олбани, штат Джорджия, – город всего в часе езды отсюда, с населением в семьдесят тысяч или около того, в то время как в Энигме было всего тысяча двести пятьдесят один человек.

– Понятно. Ну что ж, спасибо, что все тут потушили. Можете рассказывать полиции, что пожелаете, а я пойду домой, распакую вещи. Постараюсь не думать о том, что кто-то наблюдал за мной из беседки, а затем поджег ее. Сегодня я точно не усну.

С этими словами я развернулась и бросилась обратно в дом.

На кухне меня ждала лишь жалкая банка фасоли. Я открыла ее и наблюдала, как пожарные собирают оборудование. Капитан Джордон что-то записал в журнал, снова взглянул на дом, затем сел в пожарную машину, и они уехали.

Тишина стала невероятно громкой.

Потом фасоль закипела, негромко булькая. Я выключила конфорку и подумала, что надо бы подмести рис с пола. Но вместо этого достала одну из фарфоровых мисок Гвен Вердон и относительно чистую ложку, уставившись на дым, поднимающийся с беседки. Он смешался с первым лунным светом так, что задний сад выглядел как сцена из фильма с Белой Лугоши[9].

Я окинула кухню взглядом:

– Не такое приветствие я ожидала, тетя Роуз.

Иногда сильный шум может отпугнуть призраков. А иногда – нет.

Мне почти слышалось, как Роуз говорит: «Атланта». И я знала, что она качает головой. Сожалеет, что я не осталась в Нью-Йорке.

Итак, фасоль съедена, рис подметен, кастрюля и миска в раковине. Я сдалась. Луна была высоко, а серебристый луч, пробивавшийся сквозь открытые окна, подчеркивал тлеющие развалины во дворе. Но от этого запаха, смешанного с можжевельником, у меня начала болеть голова.

Сил на распаковку вещей совсем не осталось. Поднявшись на верхний этаж, я прямо в одежде рухнула на кровать. В «зеленой комнате». Роуз почему-то решила, что это самое подходящее для нее название.

«Зеленой комнатой», конечно, называют место, где актеры ждут своего выхода на сцену. Тетя в каждом письме и телефонном звонке допытывалась, чего я жду в Атланте и почему до сих пор не вернулась в Нью-Йорк. А теперь возвращаться было уже и вовсе бессмысленно.

Я уставилась на нарисованную вистерию, замершую в вечном начале цветения, так никогда и не распустившись.

– Спасибо за метафоры, – вслух обратилась я к призраку Роуз.

Призрак молчал.

Так что я сбросила кеды и перевернулась на кровати. Вскоре стало ясно, что уснуть не получится – нервы были на пределе. Я постаралась отогнать образ какого-то монстра, поджигающего все во дворе. А пожарный? Что насчет него? Он собирался сказать копам, что я развела огонь. Теперь придется иметь дело с местной полицией.

Я перевернулась в другую сторону, чтобы не смотреть на осуждающую вистерию, а там, глядя на меня с исцарапанного паркета, сидел самый большой кот, которого я когда-либо видела. Черный и круглый.

---

[9] Бела Лугоши – венгерский актер, прославившийся ролями в классических фильмах ужасов 1930–1940-х годов, в частности Дракулы.

– Ты настоящий? Или очередное воспоминание – одна из кошек, что когда-то жили здесь?

Он ответил очень даже настоящим и сердечным мурлыканьем.

– Хорошо. Запрыгивай.

Я похлопала по кровати, и он уселся на подушку рядом со мной, урча громче, чем «Фольксваген». Я легла на спину, и он устроился возле.

– Утром расскажешь, кто за тобой ухаживал с тех пор, как Роуз…

Я просто не могла выговорить это слово.

Запах мокрого тлеющего дерева становился все сильнее, но я не могла заставить себя встать и закрыть окна. А метафоры продолжали приходить одна за другой. Я не могла найти в себе смелость сделать что-то полезное для себя. Что-то, что *точно* заставило бы почувствовать себя лучше.

Когда мне было лет десять-одиннадцать, я часто оставалась на ночь у тети Роуз. В этой самой комнате. Почему я не могла расслабиться и позволить воспоминаниям о тех ночах – свободных от родителей, от моей комнаты в родном доме – захватить меня? Хорошие были времена.

Я уставилась в потолок – на стеклянную люстру, трещины в краске и паутину. Наверное, я боялась, что мне приснится пожар.

– Какие сны в том смертном сне приснятся? – спросила я кота, стараясь спародировать Гамлета.

Кот не ответил.

Я играла Гамлета дважды: один раз в исключительно женском составе, другой – в постановке настолько плохой, что мы часто начинали вторую сцену второго акта перед пустым залом. Почти всегда.

И тут я резко вскочила.

– Хватит! – крикнула я так громко, что кот поднял голову, а сверчки на мгновение замолчали. Я даже не замечала их стрекот, пока они не затихли. И теперь мне их не хватало. Вечно так бывает, не так ли? «You don't miss your water until your well runs dry[10]». Я так любила эту песню. Как же она называлась… Стоп.

– Ты же понимаешь, что происходит? – сказала я коту. – Меня уносит. Мысли по кругу, бессонница, хаотичные ассоциации, поток измученного сознания.

Нужно было завязывать, я была совершенно вымотана.

Может, спуститься вниз, почитать? Найти какую-нибудь длинную, занудную книгу – тогда точно вырублюсь через пять минут.

Мысли прервал звонок телефона на первом этаже.

Я взглянула на часы. Кто-то звонил в такое время, когда большая часть населения Энигмы уже спала. Очень настойчиво.

Я решила, что могу позволить ему звонить вечно, но через пару минут этот звук начал сводить меня с ума.

– Ты собираешься взять трубку? – спросила я кота.

Он даже ухом не повел.

Я свесила ноги с кровати, и к тому моменту, как спустилась по лестнице и вошла в гостиную, я готова была сделать почти что угодно, лишь бы звон прекратился.

Я схватила трубку и, не успев поднести ее к уху, рявкнула:

– Что?!

На том конце провода повисла короткая тишина, и я уже собиралась отключиться, решив, что это чья-то глупая шутка, пьяный бред или просто ошиблись номером.

Но тут:

---

[10] You don't miss your water until your well runs dry – «что имеем – не храним, а потерявши – плачем» *(англ.)*.

– Убирайся!

Голос был мужской – хриплый, раскаленный.

– Кто это?

– Слышишь ты – убирайся из этого чертова дома!

– Кто это? – повторила я.

– Проваливай. *Сейчас же*, – яростно прошептал он. – В следующий раз я сожгу весь дом. Сожгу его дотла вместе с тобой. Ты меня слышишь?

И затем – длинные, томные гудки.

3

Я открыла лавку в десять утра. Ровно. А что я должна была делать? Позволить какому-то алкоголику спугнуть себя телефонным звонком? Он лишь разозлил меня. День только начался, а я уже была на взводе. Почему-то тетя хотела оставить это место именно мне. И теперь мне тоже не хотелось покидать его. Уехать из города значило бы оставить в прошлом Роуз.

Спала я плохо. Любой звук – скрип дома, уханье совы, кошачий храп – заставлял меня вскакивать и смотреть в окно на задний двор, чтобы убедиться, не стоит ли там кто-то с факелом в руке, готовый взять дом в осаду.

Наверное, стоило сходить за продуктами, но, обнаружив кофе и френч-пресс, я заодно нашла нераспечатанную пачку злаковых батончиков и новый, по-видимому, пакет кошачьего корма. Срок годности на батончиках был размазан, так что я просто сделала вид, будто они вкусные и вовсе не просрочились сто лет назад. Да и вообще три кружки кофе притупили вкусовые рецепторы. Пакет с кормом был распечатан, а миска – наполнена до краев. Кот на звук не объявился.

Итак – невыспавшаяся, под кофеином, без кота и злая на весь мир, я открыла двери книжного. Теперь под новым руководством.

Не знаю, чего я ожидала. Роуз умерла несколько недель назад, а магазин закрылся еще раньше, когда она легла в больницу. Может быть, если бы я приехала к ней тогда, она бы сказала лично, почему хотела, чтобы я его унаследовала. Мы разговаривали по телефону в ту неделю, когда она умерла, но я и понятия не имела, насколько все серьезно: она все время повторяла, что с ней все в порядке. Просто в больнице, просто обследования – на этом все.

И, разумеется, в местных новостях не было ни слова о новом владельце и никаких объявлений вроде «Торжественное открытие!». Так что ожидать покупателей было глупо.

В 10:07 входная дверь распахнулась, и в магазин стремительно вошла Филомена Уолдроп. Ближайшая подруга Роуз. Лучшего визита я и представить не могла. Я не успела и слова сказать, как она уже изо всех сил сжимала меня в объятиях и смеялась.

– Господи, детка, вот и ты. – Она отстранилась, все еще держа меня за плечи. – Только посмотри на себя – писаная красотка! Ух!

И снова стиснула меня в объятиях.

– Фил, – выдавила я. – Слава богу, ты здесь.

Я и сама не знала, почему так обрадовалась, но вдруг все встало на свои места.

Роуз и Филомена были близки как сестры, и Филомену я считала тетей не меньше, несмотря на отсутствие родственных уз.

Она отличалась несокрушимым характером. Наверное, поэтому они и подружились. Будучи заведующей кафедрой психологии в Барнсли, доктор Филомена Уолдроп пользовалась в городе непререкаемым авторитетом.

Ростом около шести футов, одетая по форме: темно-синее платье, широкий черный пояс и небесно-голубой шарф. Ее обычный понедельничный наряд для лекций. Давным-давно она подобрала себе комплекты на каждый день недели – одной заботой по утрам меньше. Одно и то же синее платье она надевала каждый понедельник с тех пор, как я училась в старших классах.

– Не ожидала тебя увидеть, – наконец сказала я. – Откуда ты узнала, что я здесь?

Она отвела взгляд.

– Ой, ну… я каждое утро проезжаю здесь по дороге в колледж. Не знаю почему. Мне так вообще не по пути. Но когда я увидела раздолбанную старую машину, сразу поняла: Мэделин здесь! И вот ты и правда здесь!

С этими словами она снова обняла меня. От нее пахло духами Роуз.

– Ну что ж, давай рассказывай. Все в мельчайших подробностях.

– Да я вроде в порядке. Просто… ну, сама понимаешь, не хотела, чтобы ЭТО стало причиной моего возвращения. Но… Хочешь кофе? Я нашла френч-пресс.

Я поспешила на кухню, но доктор Уолдроп остановила меня:

– Роуз никогда не оставляла кассу без присмотра.

Я оглядела пустые комнаты.

– Здесь никого нет.

– Тем не менее.

Она не сдвинулась с места, пока я не проверила, что касса заперта в большом выдвижном ящике стола. Только после этого Филомена последовала за мной на кухню.

– Не грусть одна тебя терзает, – заметила она. – Я вижу, ты напугана.

– Я плохо спала, – сказала я, направляясь к плите. – И потом, смотри: плиту приходится зажигать спичками. Электричества нет. Поэтому я и не пользуюсь вон тем электрическим чайником.

– Странно. Его не должны были отключать. У Роуз на все услуги был подключен автоплатеж, включая старую добрую энергетическую компанию округа Колкуитт. Ты проверяла ту штуку с предохранителями?

Я зажгла конфорку под старинным чайником, достав спичку из большой коробки у плиты.

– Какую штуку?

Миновав кухню, Филомена вышла на заднее крыльцо. Я последовала за ней. Возле самой двери обнаружился небольшой щиток, и тетя его открыла.

– Вот. Главный выключатель, или как он там называется. Он выключен, видишь?

Она щелкнула тумблером, и свет на кухне загорелся.

– Ого, – только и сказала я, покачав головой.

Чайник на плите засвистел.

– Быстро.

– Не успел остыть. Я только что заварила себе чашечку. Сливок нет, но я нашла сахарозаменитель, если хочешь.

– Нет, я пью просто кофе… без добавок[11]. – Она пошла за мной обратно на кухню и сразу же достала из шкафа определенную чашку.

– Так вкуснее.

И тут меня озарило, что она делает. Меня это раззадорило, и я с радостью подыграла.

– Straight, No Chaser Телониуса Монка[12], доктор Уолдроп, – сказала я, снимая чайник с плиты.

– Ты помнишь!

У Филомены и Роуз на двоих была, пожалуй, самая большая на свете коллекция старых джазовых пластинок. Ну или, по крайней мере, в Южной Джорджии. Они часами слушали их в «детективном отделе» магазина – комнате, которая была бы столовой, если бы дом был домом, а не лавкой.

– Конечно, помню. Вы с Роуз так забили мне голову бесполезными знаниями о джазе – музыкантах, композиторах, записях.

Она рассмеялась.

– Знания никогда не бывают бесполезными, дорогая. Никогда не угадаешь, когда тебе вдруг понадобится вспомнить, кто играл на басу в первой записи Майлза Дэвиса.

Это была проверка: я знала.

---

[11] Straight, No Chaser – название джазовой композиции. Означает «в чистом виде, без добавок» *(англ.)*.

[12] Телониус Сфир Монк – американский джазовый пианист и композитор.

– Зависит от того, что именно считать «первой записью», но если ты имеешь в виду его первую запись как лидера группы, сессию 1946 года с Чарли Паркером, то басистом там был не кто иной, как мистер Нельсон Бойд.

Она взвизгнула как подросток.

– Абсолютно верно!

И это привело к очередным сокрушительным объятиям.

После я занялась френч-прессом: выбросила старую гущу в мусор и засыпала свежий помол. Горячая вода, поршень вниз, кофе в чашке.

– На крыльцо? – предложила я. – Кружка у тебя уже есть, я вижу.

Она кивнула, последовала за мной через дом, и у сетчатой двери мы обнаружили гигантского кота.

– Ох, слава богу, – пробормотала Фил. – Кэннонболл все еще здесь.

– Значит, это один из котов Роуз?

Она кивнула.

– Последний. Интересно, кто за ним присматривал.

– Назвала в честь Кэннонболла Эддерли[13], я полагаю?

Фил удовлетворенно кивнула, а потом мы все втроем пошли на крыльцо. Кот побрел по своим делам, а мы устроились в креслах. Я поставила пресс на пол между нами, и мы молча смотрели, как наступает утро.

– В общем, – начала я, неторопливо подводя к кульминации, – меня вчера дома ждал просто шикарный прием. Электричество отключено, еды в доме нет, все окна распахнуты, странные звуки, диковатые воспоминания… ах да, и кто-то поджег беседку.

Она резко выдвинула голову вперед.

– Что?

– Ага. Я только занесла сумки, почуяла дым и побежала тушить ее из садового шланга.

Фил вскочила.

– Хочу посмотреть.

– Может… может, мы еще посидим? Слушай дальше.

Она моргнула и повернула голову в сторону заднего двора.

– Ой, да, хорошо. А что случилось потом?

– Много чего, на самом деле.

Фил снова села, а я нажала поршень френч-пресса. Кофе был немного передержан, но отказаться от такого жеста гостеприимства я не могла. Не стоит рассказывать о своих бедах с пустой чашкой.

– Приехали пожарные, – продолжила я. – Конечно, потушили огонь, но потом появился этот парень, капитан Джордон. Смотрел на меня так презрительно. Подумал, что я устроила поджог.

– Ты? С чего бы ему так… Подожди. Майк Джордон? Ну, хотя… Знаешь, он ведь из Олбани, поэтому он бы тебя и не узнал.

– Ты его знаешь?

Она кивнула.

– Ходит в мою церковь.

– Ну, я пыталась представиться ему и объяснить, что место теперь принадлежит мне. Но, думаю, он все равно сообщил обо мне в полицию.

– В полицию? Боже мой, деревенская драма. Все быстро уладится. Наша стража – два клоуна и один милый идиот. С ними у тебя проблем точно не будет. Хоть они и туповаты, но

[13] Кэннонболл Эддерли – знаменитый американский джазовый саксофонист; прозвище Cannonball (Пушечное Ядро) стало его сценическим именем.

ребята хорошие. Кстати говоря, этот «идиот» – в моем классе введения в психологию. Ладно, пойдем во двор? Хочу посмотреть на беседку. Ты же знаешь, что мы с Роуз сами посадили там весь можжевельник.

Я подлила себе еще немного кофе.

– Слушай дальше.

– Еще дальше? Думала, на обвинении в поджоге от хорошенького паренька-пожарного история заканчивается.

– Он не хорошенький и не паренек. И да, самое ужасное еще впереди.

Фил собралась, сделала глоток кофе и кивнула:

– Тогда рассказывай.

– Так вот, когда капитан Хорошенький Паренек ушел, я попыталась лечь спать. Но уснуть не могла, как я уже говорила.

– Первая ночь на новом месте, – посочувствовала она.

– Наверное. Только вдруг зазвонил телефон. И звонил он бесконечно, не прекращая. Тогда я встала, спустилась к столу и взяла трубку. На том конце был какой-то мужчина. Голос хриплый, как из фильма про монстров, и он сказал: «Убирайся из дома, или в следующий раз я сожгу его полностью, вместе с тобой».

Филомена застыла в растерянности. Пожар она приняла спокойно. Подозрения Джордона – тоже. Но сейчас реакция была совершенно иной: ее словно током ударило.

– У кого язык поднимется такое сказать? – резким шепотом спросила доктор Уолдроп.

– Меня больше пугали пожар и тот капитан. Вот это было очень даже реально. А непонятный звонок? Он казался… извини, больше театральщиной.

– И что ты ему ответила? – спросила она, задержав дыхание.

– Да у меня даже возможности не было. Он положил трубку.

– Я… я бы была в ужасе. Послушай, ты должна сообщить об этом в полицию.

– О нет, не должна.

– Но, дорогая, этот человек угрожал убить тебя! Хотя бы позвони Расти Томпсону.

– Зачем мне звонить ему? Это пустые слова. Я же уже говорила – меня больше волнует пожар во дворе.

Думаю, она мне поверила и немного успокоилась.

Дело было в том, что я еще ничего не распаковала. Даже не думала о том, чтобы выгрузить остальные вещи из «Игоря». Пожар во дворе, звонки после полуночи с угрозами… Может, я могла бы продать магазин и устроиться преподавателем в местный университет. Или просто сесть в машину и ехать, пока не кончится бензин, а там, где остановлюсь, устроиться официанткой. Среди своих знакомых я была единственной актрисой, которая никогда не обслуживала столики. Может, пора было начать.

И тут я почувствовала, как Фил взяла меня за руку.

– Все будет хорошо, – сказала она, будто прочитав мои мысли.

И в ее фразе я услышала отголоски прошлого, когда она говорила мне эти же слова. Я выдохнула, и вместе с воздухом ушла большая часть тревоги. Вот такой была магия Филомены.

– Ладно. Говоришь, хочешь увидеть беседку – или, скорее, ее развалины?

Она снова встала и протянула кружку.

– Требую подкрепление.

Я опустошила френч-пресс, и мы прошли через дом на задний двор.

Сад всегда был предметом гордости Роуз. И Филомены, которая выполняла большую часть тяжелой работы. Тетя хорошо выбирала и находила необычные растения. Фил же умело обращалась с лопатой.

Более формальная часть сада была огорожена деревянным заборчиком, с внутренней стороны которого росли аккуратно подстриженные азалии. Они цветут дважды, так что на ветках

еще держалось несколько пурпурных и лавандовых цветов. В самом конце двора росли десять персиковых деревьев, но они давным-давно перестали плодоносить. Остальная часть участка была забита растениями под завязку. Каждый дюйм. Космея, вербена, тысячелистник, циннии, рудбекии волосистые, эхинацеи пурпурные, маргаритки, лобелии, кореопсис, гайярдии и подсолнухи до неба. Что-то цвело круглый год, не увядая даже в октябре. Дизайн сада был таким же причудливым, сколь и обильным: странные бетонные статуи греческих богов и ангелов с кладбищ, казалось, наблюдали за цветами и кустами, словно надзиратели. Аккуратно выложенные дорожки из гальки вились вокруг покрытых мхом гранитных камней. Причудливые почвопокровные растения окружали загадочные кустарниковые фигуры. Разумеется, повсюду росли розы.

А в центре цветочного изобилия стояла «тронная комната» сада – беседка, которая могла вместить двадцать человек. Ее построили в девятнадцатом веке первые владельцы дома – своего рода железнодорожные магнаты, родственники Роуз. Конструкция имела семь сторон – на удачу – и была покрашена в красный цвет – для процветания. Перила по пояс служили спинкой для лавок, стоящих вдоль стен. Внутри висели канделябры и несколько крючков для масляных ламп. Крыша была деликатно изогнута наружу семь раз, по одному разу с каждой стороны, и покрыта шиферной черепицей. Потолок внутри расписан облаками и голубым небом.

Когда-то.

Теперь беседка больше походила на обугленный скелет, а потолок внутри был черным, как в шахте.

– Ох…

Филомена замерла, лишь ступив во двор и уставившись на руины.

– Знаю. Только посмотри, что осталось от можжевельника.

Она опустила взгляд на землю. Стелющиеся кусты были обуглены и искривлены, едва узнаваемы.

Фил всхлипнула:

– Пойдем обратно внутрь?

Я взяла ее за руку, и мы пошли прочь от места сгоревших воспоминаний.

– Я и представить себе не могла, что она будет выглядеть так… так… – закончить предложение Фил была не в силах.

– Да… Если бы пожарные не приехали так быстро, я думаю, от нее бы вообще ничего не осталось.

Внутри мы сели за кухонный стол. Она уставилась на него, а я провела рукой по истертой столешнице.

– Ты раньше говорила, что этот стол принадлежал Фланнери О'Коннор, – я попыталась ее отвлечь.

– Все верно, – ответила она рассеянно, слезы еще блестели на глазах. – Нужно найти кого-то, кто починит беседку. Это не дело.

– Хорошо, – кивнула я. – Если решу остаться, то займусь этим сегодня.

Фил подняла на меня взгляд. Выражение ее лица было таким странным, что на секунду показалось мне чужим.

– Если решишь остаться? А какие у тебя еще варианты? Поедешь обратно в Атланту?

Мне показалось странным, что последнее предложение прозвучало скорее как призыв, нежели уточнение.

– Нет, не в Атланту.

Прежде чем я успела решить, стоит ли углубляться в подробности, зазвонил телефон. Филомена замерла. Я посмотрела в сторону звука и встала.

– Не бери! – прошептала она, будто человек на том конце мог ее услышать. – Вдруг это тот самый мужчина?

– Вряд ли, – сказала я, направляясь к столу в другой комнате. – Такие люди не звонят солнечным утром в половине одиннадцатого.

– Ну и кто это может быть?

– Если повезет – покупатель.

– Все знают, что Роуз больше нет, – сказала Фил, следуя за мной. – А то, что ты здесь, – не знает никто.

– Ну… – Я обернулась к ней. – Кто-то знает.

Она смотрела на меня выпученными глазами.

– Книжная лавка «Старый можжевельник», – сказала я в трубку с неожиданным удовлетворением. – Чем могу помочь?

– Д-да. – Мужчина был молод и явно местный: он умудрился растянуть слово «да» на два слога. – Э-э… я говорю с Мэделин Бримли?

– Все верно.

– Мэм, это офицер Сандерс, полицейское управление Энигмы.

Я замялась.

– Мэм? – осторожно переспросил он.

– Да, простите, офицер. Полагаю, вы звоните по поводу пожара у меня во дворе прошлой ночью.

– Да, мэм, именно. Видите ли, капитан Джордон, он…

– Капитан Джордон, похоже, страдает паранойей, – перебила я. – И прошлой ночью он немного поспешил с выводами. Очень уж он любит торопиться.

Фил подкралась ко мне сбоку.

– Кто это? – прошептала она.

Я прикрыла трубку ладонью.

– Сандерс. Знаешь его?

– Билли Сандерс? – Она расплылась в улыбке. – Боже мой, да ты же его тоже знаешь!

Имя показалось мне знакомым. Я снова поднесла трубку к уху.

– Билли, я племянница Роуз Бримли. Она оставила эту книжную лавку мне в наследство. Возможно, вы знали Роуз, может быть, покупали здесь учебники. Понимаете, я бы хотела оставить магазин таким, какой он есть. И уж тем более совершенно не заинтересована в том, чтобы его сжигать.

– Ты меня не помнишь, – тихо сказал он, словно обидевшись.

Я снова прикрыла телефон и прошептала Фил:

– Откуда я его знаю?

– Он сын Хоуп и Донни, – начала она.

Но тут заговорил Билли:

– Ты была моей няней.

Я снова поднесла трубку к уху.

– Ах, Хоуп и Донни твои родители, да?

Фил закатила глаза.

– Ага! Ты помнишь. Правда, ты приглядывала за мной всего два раза. Мне было девять. В особом присмотре я тогда уже не нуждался. Ты была тогда всего на шесть лет старше…

– Конечно, я тебя помню, Билли, – уверила я его. – Просто не ожидала, что ты вырастешь и станешь полицейским.

– Ну, я некоторое время работал с гипсокартоном, а потом поступил в полицейскую академию, но там было чертовски скучно, так что сама понимаешь.

– Ты ведь знаешь, что я не поджигала беседку?

Он замолчал на секунду или две.

– Но кто-то поджег. И, по словам капитана Джордона, ровно в тот момент, когда ты прибыла, – так что, возможно, мне стоит подъехать и взглянуть на все собственными глазами. Обсудить с тобой все детали. И еще: мои соболезнования по поводу смерти Роуз. Я хорошо ее знал. Она была настоящей зажигалкой.

Его слова заставили меня улыбнуться.

– Да, была.

– Расскажи ему про звонок! – настойчиво прошептала Фил.

Я покачала головой, но офицер Сандерс услышал ее голос.

– Уже есть клиенты?

– Это доктор Уолдроп. Она заглянула поздравить меня с возвращением домой.

– Обожаю ее лекции, – почтительно сказал он. – Она отличный преподаватель. Передай ей от меня привет.

– Ага.

Прежде чем я успела что-то сказать, он добавил:

– Ладно, я приеду где-то через час. Плюс-минус.

– Оу. – Эта идея мне не очень понравилась. – Сегодня?

– Да. Думаю, к полудню буду. И, может, уже на месте ты расскажешь, о каком звонке говорила доктор Уолдроп.

И не успела я ответить, как из трубки послышались гудки.

4

К двум часам дня офицер Сандерс так и не объявился. Зато меня порадовали визитом около дюжины людей. Некоторые из них, как я поняла, были постоянными покупателями.

Пожилая женщина в черном платье и темно-зеленой шляпке-таблетке ясно дала понять: она покупает любой детектив, в котором преступление раскрывает кот. Дама представилась как Айделл Гласси и сообщила, что Роуз всегда снабжала ее такими книгами в избытке. Она с нетерпением ждала от меня гарантий, что при новом руководстве все останется по-прежнему. Я пообещала, что она и дальше будет довольна обслуживанием.

Но большинство посетителей были студентами колледжа. Видимо, когда Фил ушла читать свою первую лекцию, то объявила всем – «Старый можжевельник» снова открыт. А потом выдала студентам новый список литературы по каждому из своих курсов.

Управлять магазином было странно, но одновременно до боли привычно. Привычно – потому что в юности я провела немало времени, помогая людям ориентироваться в хаотичной системе Роуз. Странно – потому что теперь владельцем была я: я продавала книги, брала деньги, выписывала чеки и поддерживала светские разговоры. Ходить из комнаты в комнату, помогая людям находить нужные книги, вызывало ощущение дежавю.

Каждая комната должна была соответствовать определенному жанру: столовая, например, считалась детективным отделом, хотя там также стояли два шкафа поэзии, а целая стена была отведена под пластинки. Большинство из них джазовые, которые так любили Роуз и Фил, но на некоторых были записи авторского чтения. Я, например, около тысячи раз (иногда даже против собственной воли) слышала, как Дилан Томас читает «И смерть не будет иметь власти». В гостиной, где стоял письменный стол, находилась основная часть современной литературы – художественной и научной. Кабинет был посвящен истории, биографиям и более старой документальной прозе. Были ниши с философией, углы с кулинарными книгами, небольшой отдел научной фантастики и, разумеется, целая стена пьес и книг о театре. Небольшую комнату – возможно, когда-то это была вторая гостиная – полностью отдали под университетские учебники – дойную корову магазина. Повсюду стояли кресла и диваны для чтения и отдыха, в основном антикварные, украшавшие этот дом уже более ста лет.

И еще была крошечная комната, заполненная редкими книгами и первыми изданиями. Экземпляры были не для продажи, а для чтения лишь на месте. Я понятия не имела, что это была за комната, когда дом был просто домом, но Роуз всегда называла ее «частной библиотекой». Она была маленькой, а книжные полки занимали все четыре стены от пола до потолка и были забиты под завязку. Это всегда ставило меня в тупик: я не раз спрашивала тетю, зачем держать в магазине то, что не приносит дохода. Почему она не спрятала все эти дорогие тома куда-нибудь наверх? Еще одна загадка, которую Роуз унесла с собой в могилу.

Утро прошло спокойно и весело. Весело – потому что студенты все еще были неопытными, но уже считали себя взрослыми. Спокойно – потому что они же, несмотря на прически, одежду и клише молодежного сленга, были почти такими же, как когда-то и я.

Несколько парней заигрывали со мной. Одна девушка предложила мне бесплатный билет на College Follies[14] – она участвовала в номере с песней Helpless из мюзикла «Гамильтон». Другая купила «Под стеклянным колпаком», «Загадку женственности» и, что особенно меня впечатлило, «Феминистскую теорию: от края к центру» Белл Хукс, которую я считала великолепным чтивом. Я уже собиралась похвалить ее выбор, когда она совершенно сухим тоном сообщила, что курс «Женщины в обществе» – самый скучный из всех, какие ей когда-либо

[14] College Follies – ежегодное представление, проводимое в осеннем семестре, где первокурсники выступают с песнями, танцами и театральными номерами.

приходилось слушать, но он обязателен для получения степени по социологии. Так что я просто улыбнулась и взяла у нее деньги.

А одна девушка бесцельно бродила. Она вошла в магазин около одиннадцати и ходила из комнаты в комнату, явно не ища ничего конкретного. Вполне могла оказаться воровкой. Я не спускала с нее глаз.

Наконец в парадную дверь уверенным шагом вошел мой бывший подопечный. Увидев офицера, я сразу же вспомнила его. В детстве он был застенчивым мальчиком, и мы вместе смотрели фильмы на Turner Classic Movies[15]. Особенно он любил хорроры студии Hammer – уютные фильмы, в которых кладбище обязательно застелено туманом, а за книжным шкафом непременно скрывался тайный ход в лабораторию безумного доктора. С приходом рассвета наступал счастливый финал.

– А вот и он, – сказала я, стараясь сдержать дрожь в голосе.

– Ну надо же, – ответил он, широко улыбаясь. – Настоящая бизнесвумен!

– Филомена… доктор Уолдроп обеспечила меня клиентами.

– Отлично. – Он продолжал пялиться. – Так рад тебя видеть. Честно, я думал, что больше никогда тебя не встречу. Когда ты уехала, то, казалось, исчезла с концами. А потом мы только и слышали, что ты знаменитая театралка в Атланте.

– Что? Кто тебе такое сказал?

Он огляделся вокруг.

– Твоя тетя. Она тобой очень гордилась. Последние несколько лет она обедала в закусочной Мэй Этты и зачитывала всем подряд статьи и рецензии о пьесах, в которых ты играла, но только положительные. С начала службы я стал там завсегдатаем, так что, по правде говоря, разговоров о тебе было не избежать.

[15] Turner Classic Movies – круглосуточный телеканал, показывающий старые фильмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.